

Академическая дипломатия в отношениях России и Тихоокеанской Азии

А.А. Байков, Е.В. Колдунова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Дискуссия о российском повороте на Восток традиционно уделяет преимущественное внимание вопросам политико-стратегического, геополитического и геоэкономического характера. В наибольшей степени эти проблемы проявляются на межгосударственном уровне, который оказывается в сфере приоритетного внимания аналитиков, в то время как межобщественные отношения, вопросы гуманитарных контактов, публичной, а в её рамках – научной и академической дипломатии, пока что находятся скорее на периферии размышлений о том, как сделать азиатское направление российской внешней политики более устойчивым. Несмотря на существенные достижения в области образовательного сотрудничества с незападными странами в советский период, после распада биполярной системы Россия на более чем два десятилетия оказалась в положении объекта академической дипломатии европейских стран. Это позволило России в определённой степени продвинуться в сфере образовательного и научного сотрудничества с ЕС, однако, не сняло многих проблем, связанных с процессами интернационализации российского образования и науки. При этом взаимодействие со странами Азии, где на рубеже XX-XXI вв. сформировалась большая группа ведущих мировых университетов, существенно отставало от европейского направления. Вместе с тем более активная российская академическая дипломатия в Азии является залогом успешного экономического сотрудничества, а в конечном итоге – и более комплексного российского внешнеполитического присутствия на азиатском направлении в будущем. В статье рассматривается динамика российских подходов к академической дипломатии, на основе количественных и качественных показателей выделяются тенденции развития высшего образования в странах Азии и характеризуется современное состояние и перспективы образовательного сотрудничества России со странами Азии. В ходе представленного анализа доказывается тезис о необходимости дополнить российскую политику в Азии более диверсифицированной образовательной компонентой, учитывающей новейшие тенденции в области развития высшего образования на международном уровне. Подобные шаги необходимы как для сохранения конкурентоспособности российского образования как такового, так и с точки зрения реализации российской внешней политики в современных условиях.

Ключевые слова: академическая дипломатия, экспорт образования, поворот на Восток, Россия, Азия, ЕС, человеческий капитал, интернационализация образования

УДК 327.82

Поступила в редакцию: 20.06.2021

Принята к публикации: 18.10.2021

Дискуссия о российском повороте на Восток традиционно концентрируется вокруг вопросов политико-стратегического, геополитического и геоэкономического характера. Активно обсуждаются проблемы соотношения Востока и Запада во внешней политике России, трансформации незападного мира в контексте разнонаправленных международных изменений (Логика новой мироустроительной архитектоники ... 2021), перспективы развития российско-китайских отношений применительно к глобальному и региональному измерениям (Виноградов 2021), а также будущее различных других двусторонних треков (Торкунов, Стрельцов, Колдунова 2020; Савченко, Зуенко 2020).

Значимой проблемой концептуализации внешней политики России остаётся поиск оптимального баланса в условиях экономического и политического усиления Китая, с одной стороны, и продолжающейся деградации отношений России с ЕС и США, с другой (Тренин 2021), а также в целом в ситуации неопределённости направления реформирования глобального миропорядка (Барановский 2019). Наиболее полно эти проблемы проявляются на межгосударственном уровне, который зачастую и оказывается в сфере внимания аналитиков, в то время как межобщественные отношения, вопросы гуманитарных контактов, публичной, а в её рамках – научной и академической дипломатии, пока что находятся скорее на периферии размышлений о том, как сделать российскую внешнюю политику более диверсифицированной и не подверженной влиянию флуктуаций на её западном направлении.

Вместе с тем более активная академическая дипломатия, повышение количества представителей стран Азии, имеющих опыт обучения и научно-исследовательской работы в России или в кооперации с российскими учёными и одновременное расширение образовательных и научных контактов с азиатскими университетами, в которые могли бы быть вовлечены российские учёные и студенты, является залогом более успешного экономического сотрудничества, а в конечном итоге – и российской внешней политики на азиатском направлении в будущем. Как показывает практика, именно совместный образовательный и исследовательский опыт помогает справляться с этнопсихологическими барьерами, позволяет выработать стрессоустойчивость к культурным шокам и становится основой для дальнейшего успешного взаимодействия в политике, экономике или социо-гуманитарной сфере. Справедливо и обратное утверждение: без активного наращивания российского экономического присутствия в Азии, сложно ожидать роста востребованности специалистов, получивших образование в России и владеющих российскими технологиями.

Пандемия коронавируса нового типа создала уникальную ситуацию в сфере образования. В результате необходимости соблюдения карантинных мер университеты по всему миру были вынуждены переводить свои занятия в режим онлайн и вводить в практику учебного процесса всё новые и новые инструменты информационно-коммуникационных технологий. Подобная ситуация, с одной стороны, способствовала усилению информационного и образовательного

неравенства. Согласно данным ООН, проблемы с доступом к образованию в период пандемии испытали более чем 1,6 млрд учащихся в 190 странах мира¹. С другой стороны, пандемия подтолкнула многие высшие учебные заведения, в том числе в России, к поиску новых моделей образовательного процесса, в целом усилив уже наметившийся ход движения к цифровизации образования. В отличие от многих других сфер общественной жизни благодаря информационным технологиям международные исследовательские коллективы имели возможность не приостанавливать свою деятельность на период пандемии и находить новые формы коммуникации.

С учётом отмеченных аспектов в представленной статье даётся краткий анализ концептуальных оценок академической дипломатии, рассматривается динамика российских подходов к академической дипломатии, основные тенденции развития высшего образования в странах Азии и характеризуется современное состояние и перспективы образовательного сотрудничества России с азиатскими партнёрами. В ходе представленного анализа доказывается тезис о необходимости дополнить российскую политику в Азии более комплексной академической компонентой, учитывающей новейшие тенденции в области развития высшего образования и науки в целом и в Азии – в частности.

Концептуальные оценки международных практик в области академической дипломатии и интернационализации образования

Как отмечает американская исследовательница Нэнси Шоу во введении к последнему переизданию фундаментального коллективного труда по общественной дипломатии, несмотря на определённый прогресс в развитии исследовательского поля данного направления, оно всё ещё остаётся в тени магистральных теоретических исследований международных отношений, в значительной степени развивающихся в русле неорелизма (Show 2020: 3-4). Однако даже в этом комплексном исследовании тенденции развития академической дипломатии оказываются периферийными, а основное внимание уделяется проблемам культурной дипломатии, развития страновых образов и брендов, роли информационно-коммуникационных технологий в общественной дипломатии.

Вместе с тем изучение роли научно-образовательных обменов и грантовых программ в организации международного диалога и даже формировании траектории экономического и политического развития отдельных стран Азии действительно может пролить свет на закономерности закрепления внешнеполитических ориентаций целого ряда азиатских обществ. Так, например, после

¹ Education during COVID-19 and beyond. *UN Policy Brief*. August 2020. URL: https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/08/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf (accessed 20.10.2021).

Второй мировой войны соединение традиционного востоковедения с социальными науками в целях разработки междисциплинарных подходов к изучению Азии приобрело особое значение для США и европейских стран в контексте bipolarного противостояния, в котором Азия занимала особое место. Известные примеры в этом плане даёт деятельность Фонда Рокфеллера и стипендиальная программа Фулбрайта в Японии. С 1950-х гг. благодаря американской финансовой поддержке в Японии был создан целый ряд исследовательских направлений в области социальных наук и прежде всего экономики, которые были призваны теоретически обосновать несостоятельность социалистических альтернатив для японского экономического развития².

В современной исследовательской литературе можно также найти целый ряд публикаций, акцентирующих внимание на отдельных примерах развития академической дипломатии, в особенности, применительно к США и европейским странам (Adam 2015; Yang 2015). Гораздо меньшее количество исследований посвящено российскому опыту академической дипломатии и, в особенности, в отношениях с незападными государствами. Данное обстоятельство объясняется тем, что наиболее прорывные и хорошо известные примеры академической дипломатии приходились на период холодной войны. Тогда основной задачей международных взаимодействий учёных виделось снижение остроты наиболее сложных проблем советско-американских отношений и сближение позиций двух антагонистов (Торкунов 2019). На это, в частности, были нацелены известные Дартмутские встречи советских (впоследствии российских) и американских учёных.

Активная интернационализация азиатских университетов, которая началась в конце XX в. сначала в Японии и новых индустриальных странах первой волны (Южной Корее, Сингапуре), а затем по мере экономического подъёма остальной части Восточной и Юго-Восточной Азии затронула Китай, Малайзию, Таиланд, Филиппины, Индонезию, создала совершенно иной ландшафт научных и образовательных процессов в Азии. Во многом благодаря образовательному и научному сотрудничеству был налажен диалог между китайскими и американскими учёными в период активного экономического подъёма Китая. Однако ориентация России в 1990-е гг. на сближение с Западом, попытки интеграции в общеевропейское пространство, в том числе за счёт сближения наших образовательных пространств, о чём подробнее будет сказано далее, не способствовали особо пристальному вниманию к развитию академической дипломатии в отношениях со странами Азии.

² Karashima M. *American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan*. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

Диверсификация российской внешней политики в начале этого века, качественное улучшение отношений с Китаем и рядом других стран Азии и попытки использования академической дипломатии для того, чтобы сформировать более нюансированное понимание позиций друг друга, в частности, по сложным вопросам российско-японских отношений активизировали российскую академическую дипломатию на азиатском направлении, что нашло отражение в ряде совместных публикаций (Российско-японские отношения ... 2015; A History of Russo-Japanese Relations... 2019). Тем не менее её масштабы и качественное наполнение пока что не позволяют говорить о том, что поворот к Азии в образовательной и академической дипломатии состоялись в полной мере.

Россия как объект и субъект академической дипломатии

Несмотря на существенные достижения в области образовательного сотрудничества с незападными странами в советский период, после распада bipolarной системы Россия на более чем два десятилетия оказалась в положении объекта академической дипломатии зарубежных стран, в особенности в том, что касалось перестройки образовательного процесс. Общий курс на активное сближение с западными странами, в том числе с Европейским союзом (ЕС) создавал ощущение естественной необходимости подключения к европейской интеграции в области образования. Благодаря Болонскому процессу, запущенному в 1999 г., это направление интеграции было открыто не только для стран-членов ЕС, но и для всех желающих государств. Таким образом, в 2003 г. Россия вошла в число участников этого процесса, а образовательное сотрудничество должно было стать составным элементом дальнейшего сближения России с Европой³. Как бы ни оценивалось присоединение России к Болонскому процессу в российском экспертном и образовательном сообществе, последовавшая за этим интенсификация образовательных контактов с европейскими университетами надолго закрепила Россию в орбите европейских образовательных процессов.

Одновременно растущая конкуренция на мировых образовательных рынках способствовала пониманию необходимости более активной интернационализации российских университетов и придания им артикулированной субъектности в области образовательной дипломатии. В начале этого десятилетия деятельность по интернационализации российских высших учебных заведений и продвижению ряда из них в международных образовательных рейтингах

³ Кортунов А.В. Россия и Болонский процесс – 20 лет спустя. *Сайт Российского совета по международным делам*. 23.07.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-bolonskiy-protsess-20-let-spustya/> (дата обращения 20.10.2021).

стала одним из направлений государственной политики в сфере образования. В мае 2013 г. был запущен так называемый «Проект 5–100», призванный обеспечить конкурентоспособность ведущих российских вузов в международной образовательной среде⁴. В мае 2017 г. президиум Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвердил паспорт проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»⁵, нацеленного на усиление российских позиций на мировом образовательном рынке. В 2021 г. на смену «Проекту 5–100» пришла государственная программа «Приоритет 2030», скорректировавшая акценты в целевых показателях для лучших вузов, однако сохранившая в качестве одной из задач достижение международной конкурентоспособности⁶.

Таким образом, с точки зрения реализации государственной политики в области образовательной и академической дипломатии за последнее десятилетие произошла существенная трансформация. От реципиента зарубежных образовательных продуктов и моделей Россия перешла к реализации более проактивной стратегии на мировом образовательном рынке. Данный процесс, однако, сохранял определённую степень инерции. Так, по данным Федерального государственного автономного научного учреждения «Центр социологических исследований» (ФГАНУ «Социоцентр»), оператора Проекта повышения конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров «Проект 5–100»⁷ в 2018 г. большую часть (75,2%) иностранных студентов, проходящих обучение в российских университетах, составили представители стран СНГ, Балтии и Грузии⁸. При этом более половины российских абитуриентов, выбиравших обучение за рубежом, ориентировались на университеты Северной Америки и Западной Европы⁹.

Подъём азиатских университетов и основные тенденции развития высшего образования в Тихоокеанской Азии

Относительно незамеченным для многих российских абитуриентов, да и российского политико-экономического сообщества оказался быстрый и во

⁴ Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <https://5top100.ru/about/more-about/> (дата обращения 20.10.2021).

⁵ Утверждён паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». *Официальный сайт Правительства России*. URL <http://government.ru/projects/selection/653/28013/> (дата обращения 20.10.2021).

⁶ Приоритет 2030. URL: <https://priority2030.ru/about> (дата обращения 20.10.2021).

⁷ ФГАНУ «Социоцентр». URL: <https://sociocenter.info/ru> (дата обращения 20.10.2021).

⁸ Исследование показало, из каких стран студенты приезжают учиться в Россию. *РИА Новости*. URL: <https://na.ria.ru/20190514/1553468787.html> (дата обращения 20.10.2021).

⁹ Там же.

многих случаях качественный подъём азиатских вузов. В некоторых странах, как, например, в Южной Корее или Сингапуре, он произошёл в течение жизни всего лишь одного поколения, значительным образом изменил облик этих стран на мировом рынке образовательных услуг и качество государственного управления в этих странах¹⁰.

Страны Тихоокеанской Азии различались по их стартовым позициям и финансово-экономическим возможностям с точки зрения вложений в сферу образования и НИОКР. Однако все они стремились соответствовать критериям и показателям, определяемым основными международными рейтингами. К последним, в частности, относятся QS (составляется британской консалтинговой компании *Quacquarelli Symonds*), «Таймс» (рассчитывается британским изданием *Times Higher Education*), и ARWU (*Academic Ranking of World Universities*) (так называемый «Шанхайский рейтинг», разработанный в Шанхайском университете Цзяо Тун).

Упомянутые рейтинги различаются по методикам подсчёта. Так, например, «Шанхайский рейтинг» в отличие от двух других учитывает такой показатель, как количество нобелевских лауреатов в составе профессорско-преподавательского состава и среди выпускников университета. Однако к числу общих критериев во всех трёх рейтингах относятся такие универсальные показатели как качество преподавательского состава, уровень интернационализации университетов, качество исследований и преподавания. Согласно всем трём рейтингам азиатские университеты на протяжении последних лет демонстрировали и количественный, и качественный прогресс.

Долгосрочная стратегия повышения качества университетского образования во многих странах Азии и в особенности в её тихоокеанской части была увязана со стремлением нарастить человеческий капитал, необходимый для дальнейшего экономического развития. В этом региональном сегменте мира в последние годы осуществлялись масштабные вложения в образование, именно этот регион также представляет собой самый большой рынок образования в мире.

Согласно классификации ООН, сейчас в регионе расположены преимущественно страны и территории с очень высоким уровнем человеческого развития, страны с высоким и средним уровнем человеческого развития и незначительное число стран с низким уровнем человеческого развития (см. таблицу 1.).

¹⁰ Воскресенский А.Д. Воспитание тигров. *НГ-Сценарии*. 26.01.2010. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2010-01-26/14_asia.html (дата обращения 20.10.2021).

Таблица 1. Уровень человеческого развития в странах Тихоокеанской Азии
Table 1. The level of human development in the Pacific Asia countries

Страна	Индекс человеческого развития	Положение в рейтинге
<i>Очень высокий уровень человеческого развития</i>		
Гонконг (КНР)	0,939	4
Австралия	0,938	6
Сингапур	0,935	9
Новая Зеландия	0,921	14
Япония	0,915	19
Республика Корея	0,906	22
Бруней-Даруссалам	0,845	43
Россия	0,824	49
Малайзия	0,804	61
<i>Высокий уровень человеческого развития</i>		
Таиланд	0,765	77
КНР	0,758	85
Филиппины	0,712	106
Индонезия	0,707	111
<i>Средний уровень человеческого развития</i>		
Вьетнам	0,693	118
Лаос	0,604	140
Мьянма	0,584	145
Камбоджа	0,581	146

Источник: Human Development Report 2019. Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. New York: United Nations Development Program. P. 300-303.

Существуют различные методики подсчёта человеческого капитала. Самая распространённая исходит из оценки количества лет, потраченных на получение образования, в возрастной группе от 25 до 64 лет. Необходимо, однако, учитывать и другие факторы, включая возможность получения образования на разных уровнях – дошкольном, среднем, высшем, а также качество образования. Дополнительной методикой в плане оценки качества человеческого капитала является также тестирование ПИЗА, реализующееся в рамках международной программы ОЭСР по оценке студентов на остаточные знания. В целом же большинство методик указывает на то, что увеличение количества людей, получивших высшее образование, и качество высшего образования имеют решающее значение для обеспечения стабильного экономического развития.

Стратегии наиболее успешных стран АТР (Японии, Южной Кореи) показывают, что эти страны ориентировались на то, чтобы создать систему преемственности в образовании (от уровня к уровню) и включать в орбиту высшего образования как можно больше абитуриентов без потери качества. Ещё одним значимым фактором стало привлечение в образование частных инвестиций. При этом, однако, далеко не все образовательные достижения азиатских стран обеспечивались исключительно внутренними силами. В процессе реализации

стратегии подъёма своих университетов они активно использовали региональные и международные возможности.

На протяжении последнего десятилетия рынок образования Тихоокеанской Азии характеризовался постоянным ростом мобильности студентов. По прогнозным оценкам, представленным до пандемии 2019-2020 гг., к 2025 г. на долю Азии должно было бы приходиться 70% спроса на мировом рынке образования, в то время как предполагалось, что мобильность студентов в мире вырастет до 7.6 млн человек с 1.8 в 2000 г. (*Globalization and Tertiary Education ... 2010*: 3). Подобные тенденции стали результирующей нескольких факторов, среди которых в первую очередь необходимо отметить длительный период экономического роста, структурные изменения в экономиках азиатских стран, демографические трансформации, а также стремление многих азиатских стран лучше подготовиться к вызовам новой технологической революции.

Основными центрами предоставления образовательных услуг для студентов из Азии традиционно оставались США, страны Европы и Австралия. Среди трёх упомянутых направлений Австралия особо отличается тем, что выстраивает стратегию своего экономического развития за счёт постоянного наращивания экспорта образовательных услуг¹¹. При этом на рынке образовательных услуг Тихоокеанской Азии постепенно закрепились и такие новые игроки как Сингапур и КНР.

При этом за последнее десятилетие произошёл значительный рост совместных образовательных программ стран Тихоокеанской Азии с зарубежными партнёрами, включая открытие там филиалов ведущих западных университетов, программы летних школ, краткосрочные программы, которые легко подстраивались под потребности рынка и потребителей. Параллельно происходил рост частных образовательных учреждений и частных вложений в образование, а также активное включение стран региона в международные исследовательские программы.

Учитывая сказанное, интересно отметить, что паспорт проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» указывал на конкуренцию со стороны западных и китайских образовательных учреждений, однако парадоксальным образом не принимал в расчёт специфику укрепления позиций на мировом образовательном рынке других азиатских стран¹².

¹¹ The Value of International Education to Australia. *Australian Government*. URL: <https://internationaleducation.gov.au/research/research-papers/Documents/ValueInternationalEd.pdf> (accessed 20.10.2021).

¹² Паспорт приоритетного проекта Развитие экспортного потенциала российской системы образования. *Официальный сайт Правительства России*. URL: <http://static.government.ru/media/files/DK0XerfvAnLv0vFKJ59ZeQTC7ycl5NHV.pdf> С. 18. (дата обращения 20.10.2021).

Образовательное сотрудничество России со странами Тихоокеанской Азии

Россия имеет давние традиции образовательного сотрудничества со странами Тихоокеанской Азии, в особенности входившими ранее в социалистический блок. В 1920-е гг. в Москве начали проходить обучение китайские студенты. В эти же годы в коминтерновских вузах приступили к занятиям вьетнамцы (Нгуен 2016: 44-46). После свержения режима Пол Пота в Камбодже несколько тысяч камбоджийцев получили образование в советских вузах, добившись впоследствии значительных карьерных успехов на государственной службе¹³. В биполярный период русский язык активно изучался в университетах КНР и Социалистической Республики Вьетнам.

После завершения холодной войны и по мере сокращения российского присутствия в Азии происходила также и переориентация упомянутых стран на отправку студентов в американские, австралийские и европейские вузы. В КНР подобная переориентация была также обусловлена ухудшением советско-китайских отношений после пограничного конфликта 1969 г., налаживанием отношений с США после установления дипломатических отношений в 1972 г. и началом в 1978 г. периода реформ и открытости.

Потеряв былую привлекательность для азиатских государств в качестве образовательного центра, Россия тем не менее сохранила некоторые конкурентные преимущества на данном направлении. В частности, абитуриентов из стран Тихоокеанской Азии (в особенности КНР, Южной Кореи, Вьетнама, Таиланда, Малайзии, Индонезии, Мьянмы) привлекали образовательные программы в области медицины, инженерных специальностей, ядерной энергетики, химии, гуманитарных направлений, предоставлявших возможности получения качественного, но недорогого по мировым расценкам, образования. Так, например, для тайландских абитуриентов, традиционно ориентировавшихся в первую очередь на США в вопросах получения образования за рубежом, российские образовательные программы в области медицины, химии и авиации представлялись привлекательными именно по причинам более низкой цены по сравнению с западными вузами. При этом, однако, по данным опроса, ежегодно проводимого Институтом исследований Юго-Восточной Азии среди экспертного сообщества всего региона, при ответе на вопрос о том, какую страну Вы бы выбрали для обучения своих детей в случае получения соответствующей стипендии, 29,7% респондентов отметили США, 19,9% – Великобританию, 13% – страны ЕС, 12,4% – Японию, 12,3% – Австралию, 4,7% – Новую Зеландию, 3,3% – Китай¹⁴.

¹³ Россия и Камбоджа договорились о взаимном признании дипломов и ученых степеней. *Новости сибирской науки*. URL: <http://www.sib-science.info/ru/fano/podpisali-21102019> (дата обращения 20.10.2021).

¹⁴ The State of Southeast Asia: 2021 Survey Report. Singapore: ISEAS, 2021. P. 53.

Барьерами для более масштабного расширения экспорта российских образовательных услуг, как констатировалось и в рамках соответствующего национального проекта, оказывалась сложность освоения абитуриентами из стран Азии программ на русском языке, небольшая номенклатура программ на английском языке, низкая степень интернационализации российских образовательных программ.

Хорошим импульсом для развития образовательного сотрудничества с азиатскими странами стала деятельность Российской Федерации в многосторонних структурах, в рамках которых имелись образовательные треки (АТЭС, ШОС, БРИКС, диалоговое партнёрство с АСЕАН). Это направление позволило создать новые формы образовательного сотрудничества в формате сетевых университетов ШОС и БРИКС, запустить деятельность рабочей группы Россия – АСЕАН в области образования. Саммит АТЭС, прошедший в 2012 г. во Владивостоке, способствовал созданию в Приморье высоко интернационализованного университетского кластера на базе ДВФУ, ориентированного на взаимодействие в первую очередь со странами Азии. На двустороннем направлении уникальным явлением стало открытие в 2017 г. в Шэньчжэне (КНР) совместного российско-китайского университета (проект реализуется силами Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического института). В ряде российских вузов (МГИМО, НИУ ВШЭ, ДВФУ) были запущены совместные образовательные программы и программы двойных дипломов в партнёрстве с азиатскими университетами. Благодаря деятельности РФФИ в номенклатуре российских грантовых проектов появились отдельные направления сотрудничества с КНР и Вьетнамом.

Тем не менее, как представляется, этих мер пока что недостаточно для того, чтобы российский поворот на Восток приобрёл полноценное образовательное и академическое измерение. Во многом азиатские страны пока что рассматриваются как страны-доноры иностранных студентов для российских университетов, но не как системные исследовательские партнёры. Достаточно ограниченным по-прежнему остаётся не только экспорт российского образования в страны Азии, но и интернационализация российских преподавателей и исследователей, в то время как рынок высшего образования региона в ближайшем будущем будет нуждаться в увеличении высококвалифицированных преподавателей и исследователей, искать, которых, возможно, будут по-прежнему в американских, европейских или австралийских университетах. В результате российские конкурентные преимущества остаются пока сегментированными и требуют более активного наращивания.

* * *

Представленный анализ позволяет заключить, что Россия, несмотря на наметившуюся диверсификацию внешнеполитических и экономических связей со странами Азии, пока ещё недооценивает потенциал сотрудничества с ними

в образовательной и высокотехнологичной сфере. В свою очередь азиатские страны зачастую скептически воспринимают Россию как партнёра в области научно-исследовательского и образовательного сотрудничества. Приобретая в 1990-е и начале 2000-х гг. опыт международных партнёрств с университетами Европы и США, Россия довольно слабо включилась в научно-образовательную кооперацию в Азии. Между тем у многих азиатских государств уже имеется хорошо отработанный опыт сотрудничества как в регионе, так и за его пределами.

Как показывает практика, положительные изменения в области международного образовательного сотрудничества, в особенности с азиатскими партнёрами, требуют кропотливой и интенсивной работы, при том что отдача возможна только в долгосрочной перспективе. Точно так же негативные тренды в области образования могут быть не видимы в краткосрочном временном разрезе, но проявятся спустя десятилетия (как это произошло в случае взаимодействия с КНР и Вьетнамом).

Пандемия коронавируса нового типа стала вызовом для национальных систем образования, процессов студенческой мобильности и в особенности поставила под вопрос возможности университетов быстро перестроить международные образовательные программы, требующие серьёзной практической подготовки. Вместе с тем, возможно, что новые условия международной среды могут помочь России расширить инструментарий своей академической дипломатии на восточном направлении и разработать новые модели образовательного сотрудничества.

Безусловным фактом является также и то, что международное образовательное и академическое сотрудничество не существует в безвоздушном пространстве. Благоприятной средой для него может быть только активное экономическое взаимодействие на азиатском треке, позволяющее выпускникам российских вузов быть востребованными в своих странах.

Об авторах:

Андрей Анатольевич Байков – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе, декан Факультета международных отношений МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Екатерина Валерьевна Колдунова – кандидат политических наук, доцент, и.о. директора Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00142 «Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)».

UDC: 327.82
Received: June 20 2021
Accepted: October 18, 2021

Academic Diplomacy in Relations between Russia and Pacific Asia Countries

A.A. Baykov, E.V. Koldunova
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-5-80-7-21](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-7-21)

MGIMO University

Abstract: Analysts usually consider only strategic, geopolitical, or economic aspects of Russia's turn to the East. Humanitarian contacts and public diplomacy, including academic diplomacy, remain mainly on the periphery of research on the Asian vector of Russian foreign policy. Despite significant achievements in educational cooperation with non-Western countries during the Soviet period, after the end of the bipolar period, Russia turned to European academic diplomacy. To some extent, it helped Russia move forward in educational and research cooperation with the EU. However, it did not help remove all the stumbling blocks on Russia's way to internationalize its education and science. Alongside interaction with Asia, which became home to many world-class universities by the 20th and 21st centuries, Russia's cooperation with Europe has significantly lagged.

Nevertheless, as the current situation demonstrates, a more proactive Russian academic and educational diplomacy in Asia is essential for successful economic cooperation and a comprehensive Russian presence in Asia. The paper, therefore, seeks to analyze the dynamics of Russian approaches to educational diplomacy, based on the qualitative and quantitative assessments to scrutinize the main trends of the higher education development in Asia and to define the current state and prospects of Russia's educational cooperation with Pacific Asia. The paper argues that to be successful, Russia's turn to the East must have a better-developed educational component, which considers the newest trends of higher education development at the international level. These steps are essential for keeping Russian education competitive and implementing Russian foreign policy in the current circumstances.

Keywords: academic diplomacy, export of education, turn to the East, Russia, Asia, EU, human capital, internationalization of education

About the authors:

Andrey A. Baykov – PhD, Associate Professor, Vice Rector for Research Affairs, Dean, School of International Relations, MGIMO University, 76 Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454. E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Ekaterina V. Koldunova – PhD, Acting Director, ASEAN Centre, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University, 76 Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454. E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflicts of interests.

Acknowledgements:

The research was carried out with the financial support of the Russian National Science Foundation within the framework of the grant project №19-18-00142 «Multifactor analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)».

References:

- Adam T., Lerg Ch.A. 2015. Diplomacy on Campus: The Political Dimensions of Academic Exchange in the North Atlantic. *Journal of Transatlantic Studies*. 13(4). P. 299-310
- Cherevko K.E., et al. 2019. *A History of Russo-Japanese Relations Over Two Centuries of Cooperation and Competition*. Ed. by Dmitry V. Streltsov and Nobuo Shimotomai. Leiden-Boston: Brill. 627 p.
- Globalization and Tertiary Education in the Asia-Pacific: The Changing Nature of a Dynamic Market*. 2010. Ed. by Christopher Findlay and William G. Tierney. Singapore: World Scientific. 320 p.
- Show N. 2020. *Rethinking Public Diplomacy in the 2020s*. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York: Routledge. 528 p.
- Yang Y. 2015. Does the Academic Programme Work? The Jean Monnet Programme and European Union Public Diplomacy. *Journal of European Integration*. 37(6). P. 611-628.
- Baranovskij V.G. 2019. Strukturnye izmeneniya global'nogo miroporjadka [Structural Changes in the Global World Order]. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.) *Sovremennaja politicheskaja nauka. Metodologija* [The Modern Political Science. Methodology]. Moscow: Aspekt Press. P. 570-591. (In Russian)
- Logika novoj miroustroitel'noj arhitektoniki i strategii derzhav* [The Logic of New World-Contracting Architectonics and the Powers' Strategies]. 2021. Pod red. A.D. Voskresenskogo. Moscow: Strategicheskie izyskanija. 576 p. (In Russian)
- Nguyen Thi Hong Bak Lien. 2016. Formirovanie i osobennosti v'etnamskij migracii v SSSR [The Formation and Distinguish Features of the Vietnamese Migration to the USSR]. *Gaudeamus Igitur*. №3. P. 44-46. (In Russian)
- Rossijsko-japonskie otnosheniya v formate parallel'noj istorii*. 2015. [Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History]. Pod obshh. red. akad. A.V. Torkunova i prof. M.Iokibje. Moscow: MGIMO-University. 1000 p. (In Russian)
- Savchenko A.E., Zuenko I.Yu. 2020. Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na Vostok [The Driving Forces of Russia's Pivot to East]. *Comparative Politics Russia*. №1. P. 111-125 (In Russian)
- Torkunov A.V. 2019. Diplomatiya akademicheskogo soobshhestva: proshloe i nastojashhee [Diplomacy of the Academic Community: Past and Present]. *World Economy and International Relations*. 63(9). P. 22-28 (In Russian)
- Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V. 2020. Rossijskij povorot na Vostok: dostizheniya, problemy, perspektivy [Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 8-21 (In Russian)
- Trenin D. 2021. *Novyj balans sil: Rossija v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesija* [The New Balance of Power: Russia in Search for the Foreign Policy Balancing]. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russian)
- Vinogradov A.V. 2021. Kitajskij proekt dlja Bol'shoj Evrazii. [China's Project for Greater Eurasia]. *International Trends*. 9(2(65)). P. 6-20. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Барановский В.Г. 2019. Структурные изменения глобального миропорядка. *Современная политическая наука. Методология*. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. Москва: Аспект Пресс. С. 570-591.

Виноградов А.В. 2021. Китайский проект для Большой Евразии. *Международные процессы*. 9(2 65)). С. 6-20.

Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав. 2021. Под ред. А.Д. Воскресенского. Москва: Стратегические изыскания. 576 с.

Нгуен Тхи Хонг Бак Лиен. 2016. Формирование и особенности вьетнамский иммиграции в СССР. *Gaudeamus Igitur*. №3. С. 44-46.

Российско-японские отношения в формате параллельной истории. 2015. Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М.Июкибэ. Москва: МГИМО-Университет. 2014 с.

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. 2020. Движущие силы российского поворота на Восток. *Сравнительная политика*. 11(1). С.111-125.

Торкунов А.В. 2019. Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(9). С.22-28.

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. 2020. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы, перспективы. *Полис*. №5. С. 8-21

Тренин Д. 2021. *Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия*. Москва: Альпина Паблицер. 403 с.